

DOI: <https://doi.org/10.15688/ek.jvolsu.2026.2.7>

UDC 332.02(470+571)

LBC 65.049(2Рос)-983

Submitted: 04.02.2026

Accepted: 19.02.2026

DEVELOPMENT OF REGIONAL CLUSTER POLICY IN THE TOURISM SECTOR: INSTITUTIONAL FOUNDATIONS AND SPATIAL DETERMINANTS

Saglar B. Boldyreva

Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, Elista, Russian Federation

Abstract. The article examines the institutional and spatial foundations for the development of regional cluster policy in the tourism sector as a tool for sustainable socio-economic transformation of regions. The study identifies the key prerequisites for the formation of tourism and recreational clusters based on local territories with unique cultural, historical, natural, ethnic and recreational potential. Particular attention is paid to the role of cluster policy in strengthening intermunicipal cooperation, diversifying regional economies, supporting small and medium-sized businesses, and increasing the competitiveness of tourist destinations. The paper demonstrates that tourism clustering should be considered not only as a form of territorial concentration of tourism infrastructure, but also as an institutional mechanism for coordinating the interests of government, business, local communities and related industries. The spatial determinants influencing the effectiveness of tourism cluster policy are revealed, including infrastructure provision, transport accessibility, institutional maturity, digital transformation, human capital, investment activity and the integration of local initiatives. The Southern Federal District is used as an empirical case, since it combines developed mass tourism centers with peripheral territories possessing significant potential for “slow” and ethno-cultural tourism. Based on statistical, analytical and empirical materials, the article proposes directions for institutional and spatial equalization of regions through the development of tourism clusters, Smart Tourism tools and network forms of interregional cooperation.

Key words: cluster policy, sustainable development, tourism, spatial economy, Smart Tourism, regional clusters, institutional support, digitalization.

Citation. Boldyreva S.B. Development of Regional Cluster Policy in the Tourism Sector: Institutional Foundations and Spatial Determinants. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika* [Journal of Volgograd State University. Economics], 2026, vol. 28, no. 2, pp. 88-103. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/ek.jvolsu.2026.2.7>

УДК 332.02(470+571)

ББК 65.049(2Рос)-983

Дата поступления статьи: 04.02.2026

Дата принятия статьи: 19.02.2026

РАЗВИТИЕ КЛАСТЕРНОЙ ПОЛИТИКИ РЕГИОНА В СФЕРЕ ТУРИЗМА: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ И ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ

Саглар Борисовна Болдырева

Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова, г. Элиста, Российская Федерация

Аннотация. В статье исследуются институциональные и пространственные основы развития региональной кластерной политики в сфере туризма как инструмента устойчивой социально-экономической трансформации регионов. Выявлены ключевые предпосылки формирования туристско-рекреационных кластеров на базе локальных территорий, обладающих уникальным культурно-историческим, природным, этническим и рекреационным потенциалом. Особое внимание уделено роли кластерной политики в укреплении межмуниципального взаимодействия, диверсификации региональной экономики, поддержке малого и среднего предпринимательства, а также повышении конкурентоспособности туристических дестинаций. Обосновано, что кластеризация туризма должна рассматриваться не только как форма территориальной концентрации туристической инфраструктуры, но и как институциональный механизм согласования интересов государства, бизнеса, местных сообществ и смежных отраслей экономики. Выявлены пространственные детерминанты, влияющие

на эффективность кластерной политики в сфере туризма, включая уровень инфраструктурного обеспечения, транспортную доступность, институциональную зрелость, цифровую трансформацию, человеческий капитал, инвестиционную активность и интеграцию локальных инициатив. В качестве объекта исследования рассматривается Южный федеральный округ, сочетающий развитые центры массового туризма и периферийные территории, обладающие значительным потенциалом для развития «тихого» и этнокультурного туризма. На основе статистических, аналитических и эмпирических материалов предложены направления институционального и пространственного выравнивания регионов посредством развития туристических кластеров, инструментов Smart-туризма и сетевых форм межрегионального взаимодействия.

Ключевые слова: кластерная политика, устойчивое развитие, туризм, пространственная экономика, Smart Tourism, региональные кластеры, институциональная поддержка, цифровизация.

Цитирование. Болдырева С. Б. Развитие кластерной политики региона в сфере туризма: институциональные основы и пространственные детерминанты // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. – 2026. – Т. 28, № 2. – С. 88–103. – DOI: <https://doi.org/10.15688/ek.jvolsu.2026.2.7>

Введение

В современных условиях пространственной трансформации экономики туризм приобретает все более выраженную институциональную и регионально-специфичную природу, что обуславливает необходимость его изучения в рамках системного подхода. Развитие туристического сектора рассматривается как драйвер социально-экономического роста и как фактор устойчивого воспроизводства локальных сообществ, формирования региональной идентичности и использования пространственных преимуществ. Однако диспропорции в туристическом освоении территорий, институциональные барьеры и фрагментарность региональной политики в этой сфере предопределяют актуальность поиска новых исследовательских подходов и моделей управления.

Теоретико-методологической основой работы выступают положения институциональной экономической теории, пространственной экономики, а также концепции устойчивого развития. Внимание уделяется анализу кластерных взаимодействий, институциональной среды и пространственной организации туристской деятельности с опорой на современные научные труды российских и зарубежных исследователей. Особое значение приобретает интеграция институционального и пространственного подходов, позволяющая формализовать детерминанты развития туризма в регионах с учетом их социально-экономических, природно-географических и управленческих характеристик. Целью настоящего исследования является обоснование авторской концепции институционально-пространственного подхода

к развитию туризма как одного из приоритетных направлений устойчивого социально-экономического роста регионов.

Настоящее исследование направлено на формализацию институционально-пространственного подхода к развитию туризма с позиций устойчивости, воспроизводства локальных экономик и кластерной организации. В работе акцент сделан на анализе институциональных предпосылок и пространственной конфигурации туристской активности с применением обобщающих методологических положений теории устойчивого развития и региональной экономики. На основе структурного анализа и визуализации предложена авторская схема, отражающая взаимодействие институциональной среды, пространственных параметров и устойчивости развития туристического сектора.

Методы исследования

Методологической основой исследования послужил синтез положений пространственной экономики, институциональной теории и концепции устойчивого развития региональных социально-экономических систем. В исследовании применяется институционально-пространственный подход, позволяющий оценить туризм как функциональный элемент территориальной структуры экономики, формирующий множественные эффекты для сопряженных отраслей и локальных сообществ.

В процессе работы были использованы методы структурного и сравнительного анализа, элементы контент-анализа нормативных и стратегических документов, методы картографической визуализации и систематизации

региональных данных. Особое внимание уделено аналитическому обобщению зарубежного и отечественного научного опыта по проблематике кластеризации, пространственного планирования и институционального обеспечения туристической политики.

Для структурирования пространственных характеристик туристического сектора и оценки институциональных условий его устойчивого развития разработана авторская концептуальная схема, визуализирующая ключевые компоненты и взаимосвязи институционально-пространственной модели развития туризма в регионах.

В качестве эмпирической базы использованы вторичные данные статистической отчетности (Росстат), сведения из отраслевых докладов, региональных стратегий, научных публикаций и проектных решений, касающихся развития туризма на территории Южного федерального округа (далее – ЮФО). Анализ охватывает систематизированные нарративные и нормативные источники, что обеспечивает необходимую репрезентативность исследуемой проблематики и ее актуальность в условиях пространственной трансформации региональной экономики.

Результаты исследования

Понятие кластерной политики и ее роль в региональном развитии прочно вошли в современный экономический дискурс благодаря фундаментальным трудам таких исследователей, как М. Портер, С. Розенфельд, А.Г. Гранберг, Л.И. Абалкин, а также современных представителей институциональной школы. При этом именно кластерный подход становится ключевым методологическим инструментом анализа пространственной организации экономики и туризма.

Впервые системный анализ территориально-отраслевых образований как основы конкурентных преимуществ был представлен в работах М. Портера. Согласно его определению, кластер – это «географическая концентрация взаимосвязанных компаний, специализированных поставщиков, сервисных организаций, фирм в смежных отраслях и связанных с ними институтов в конкретной сфере» [Портер, 2000]. Кластерная политика, по мнению Портера, должна опираться не на прямое субсидирование, а на развитие условий для внутренней конкуренции, инноваций и институциональной плотности [Портер, 2000].

Развитие этих идей продолжил С. Розенфельд, определявший кластеры как «производственные системы с высокой степенью связности и территориальной локализации», подчеркивая их инновационный потенциал [Rosenfeld, 1997]. Современные интерпретации кластерного подхода связываются с понятием инновационного и устойчивого кластера, ориентированного на цифровую трансформацию и smart-экономику [Tourism ...].

Инновационность кластера зависит от синергии, возникающей в результате взаимодействия специализированных организаций вокруг ключевых компетенций и технологической специализации. Факторами успеха, которые способствовали сильной конкурентной позиции определенного кластера, являются:

- наличие большого регионального сообщества высококвалифицированных специалистов в смежных отраслях; высокий уровень производительности компенсирует менее благоприятные условия, такие как климат;
- наличие мощной и открытой инфраструктуры знаний, в которой работают университеты, государственные и частные исследовательские институты, а также эффективная система распространения знаний;
- наличие хорошо организованной логистической системы;
- критически настроенные и требовательные клиенты на внутреннем рынке.

В отечественной науке фундаментальные основы пространственной организации экономических процессов заложены трудами А.Г. Гранберга, который подчеркивал необходимость моделирования регионального развития с учетом многоуровневой иерархии и дифференциации ресурсов [Гранберг, 2007]. Он считал, что формирование кластеров возможно только при достаточном уровне межрегиональной связанности, институциональной интеграции и согласованности пространственных стратегий [Гранберг, 2007].

Важный вклад внес Н.Н. Некрасов, разработавший принципы комплексного управления пространственным развитием, основанные на сочетании центростремительных и центробежных сил территориального развития [Некрасов, 2010]. Подходы к полицентризму и региональным ядрам роста также анализировались в работах Дж. Фридмана,

Д. Харви и П. Холла [Friedmann, 1972; Harvey, 2006; Hall, 1998].

Классики институционализма Д. Норт, М. Олсон и представитель отечественной школы Л.И. Абалкин подчеркивают, что устойчивость кластерных систем невозможна без формального институционального оформления, правовой защищенности субъектов кластерной политики и наличия координирующего центра [North, 1990; Olson, 1971; Абалкин, 2002]. По мнению последнего, кластеризация требует развития экономического регулирования, подкрепленного системой стимулов и ответственности участников [Абалкин, 2002].

Особое внимание в современных работах уделяется роли сетевых институтов, гибридных платформ и публично-частных партнерств в формировании кластерных структур [Катуков и др., 2012].

Высокий уровень агрегации кластерного анализа на национальном или региональном уровнях фокусируется на связях промышленных групп и моделях специализации в экономической структуре страны или региона. Географический подход к кластерной концепции подчеркивает пространственное измерение процессов кластеризации. Экономист-географ Малмберг и бизнес-стратег Портер пытались объяснить, как специфические для конкретной территории условия влияют на взаимозависимости, которые развиваются между расположенными видами экономической деятельности. Считается, что география играет фундаментальную роль в процессе инновационной деятельности, поскольку инновации являются продуктом имеющихся материальных, финансовых, человеческих ресурсов, знаний и других возможностей, которые сосредоточены и реализованы в определенной географической локации [Malmberg et al., 1997]. Кластеры рассматриваются как совместно расположенные группы, фирмы, связанные между собой общей рабочей силой, технологией, едиными институциональными структурными условиями и покупателями, и торговыми связями, представленными на мировом рынке [The Rise ..., 1995]. Взаимодействие между участниками кластерных образований с другими участниками местного сообщества запускает инновационный механизм, чтобы поощрять креативное поведение, прогрессивное мышление, влиять на характер этих инноваций и повы-

шать способность фирм адаптироваться к меняющейся конкурентной среде.

В современной зарубежной и отечественной практике именно кластерный подход зарекомендовал себя как один из эффективных инструментов регионального инновационного развития.

Таким образом, комплексное применение положений пространственной экономики, институциональной теории и принципов устойчивого развития в сочетании с инструментами структурного и сравнительного анализа позволяет обосновать выбор ключевых факторов пространственной трансформации социально-экономических систем региона, что задает аналитическую основу для выявления и интерпретации эмпирических закономерностей, что находит отражение в последующем разделе, посвященном интерпретации результатов авторского исследования.

Учитывая актуальность развития кластерной политики в туризме и влияние институциональных факторов на пространственное развитие, представляется целесообразным углубить анализ за счет конкретного регионального кейса. В фокусе данного исследования находится ЮФО – макрорегион, обладающий как высоким природно-климатическим, так и культурно-историческим потенциалом, демонстрирующий устойчивую положительную динамику в сфере внутреннего туризма, включая форматы «тихого» туризма.

В таблице 1 проведем сравнительный анализ субъектов ЮФО по основным параметрам туристской активности, опирающийся на официальные статистические данные, экспертные оценки и современные исследовательские подходы.

ЮФО как ключевой субъект внутреннего туризма России демонстрирует высокую туристическую активность по сравнению с другими федеральными округами. По данным за 2025 г. (январь – август), округ принял почти 11 млн туристов, и это второй по популярности сектор после Центрального федерального округа. Краснодарский край стабильно удерживает позиции главной туристической территории округа и России в целом по числу посещений.

На фоне общего восстановления внутреннего туристского движения в России (рост к историческим максимумам) ЮФО остается одним из основных кластеров туристской активности (см. табл. 2).

Таблица 1. Туристические потоки и размещение в ЮФО (2024–2025 гг.)

Table 1. Tourist flows and accommodation in the Southern Federal District (2024–2025)

Показатель	2024	2025 (янв. – авг. / 8 мес.)	Источник
Общее число туристов, посетивших ЮФО	около 20 млн (первое полугодие 2024)	10,97 млн (янв. – авг. 2025)	yugrf.ru
Рост туристического потока к прошлому году	↑20–37 %	–	
Количество коллективных средств размещения (гостиницы, отели, санатории)	–	8 879 объектов	ps.rosstat.gov.ru
Лидирующие регионы по турпотоку	Краснодарский край, Ростовская обл., Крым	Краснодарский край (около 6,5 млн визитов)	

Примечание. Составлено автором по: [Росстат].

Таблица 2. Основные динамические тренды туризма в ЮФО (2023–2025 гг.)

Table 2. Key dynamic trends in tourism in the Southern Federal District (2023–2025)

Показатель	Тренд	Комментарий
Домашний внутренний туризм в России	↑	В 2025 г. количество внутренних туристских поездок по РФ достигло 69–90 млн за 9–11 месяцев
Рост числа туристов в ЮФО	↑	ЮФО принимает значительную долю внутренних туристов. Краснодарский край – ключевой центр привлечения
Количество средств размещения	↑	ЮФО лидирует по количеству коллективных средств размещения в РФ

Примечание. Составлено автором по: [Росстат].

Таблица 3. Туристические кластеры в субъектах ЮФО

Table 3. Tourism clusters in the constituent entities of the Southern Federal District

№	Регион	Наличие кластерной политики в сфере туризма	Объекты туристической инфраструктуры	Примечание
1	Республика Адыгея	Развитие рекреационного и этнокультурного туризма (2023–2025)	Горный туризм, агротуризм, национальные маршруты	Поддержан программой Ростуризма по развитию национальных маршрутов
2	Республика Калмыкия	В стадии формирования (2025)	Этнотуризм, буддийский комплекс, глэмпинг, маршрут Элиста – Каспий	Создается новый туристический кластер в рамках стратегии до 2030 года
3	Республика Крым	Масштабные кластерные проекты в рамках федеральной целевой программы развития Крыма	Ялта, Алушта, санаторно-курортный комплекс, винные туры	Федеральная целевая программа предусматривает приоритетное финансирование туристической инфраструктуры
4	Астраханская область	Формирование через свободную экономическую зону «Лотос»	Каспийские маршруты, рыболовство, SPA	Свободная экономическая зона «Лотос» адаптирована под туризм и логистику
5	Волгоградская область	Разработка инициатив в рамках особой экономической зоны	Военно-исторический, событийный туризм (Сталинград)	Проекты входят в национальный план развития внутреннего туризма
6	Ростовская область	Кластер «Донское гостеприимство»	Азовское побережье, Дон, глэмпинг, событийный туризм	Поддержан Ростуризмом, проводится кластеризация
7	Краснодарский край	Развитый туристический кластер (Сочи, Анапа, Геленджик)	Черноморское побережье, 4 федеральных курорта	Кластер официально утвержден Минэкономразвития РФ
8	г. Севастополь	Утвержден кластер в сфере военно-исторического и морского туризма	Морской порт, музеи, крепости, рекреационные зоны	Включен в перечень стратегических туристических кластеров РФ

Примечание. Составлено автором.

Динамика роста турпоездов внутри России укрепляет роль региона как точки концентрации туристического спроса, что обусловлено его благоприятным климатом, инфраструктурой и пространственными преимуществами. Показатели туристского потока в округе значительно выше, чем в большинстве других федеральных округов, что делает регион важным пространственным кластером развития туристской экономики. Краснодарский край является центром притяжения отдыхающих, обеспечивая более половины всех визитов в пределах округа. Это отражает территориальную концентрацию туристской активности.

Высокая плотность коллективных средств размещения (гостиницы, отели, санатории) подтверждает наличие развитой инфраструктуры, способствующей кластеризации туристского сектора в ЮФО. Рост внутреннего туризма в России в 2024–2025 гг. усиливает потенциал ЮФО как стратегического пространственного узла для реализации кластерной политики, направленной на устойчивое развитие территории.

ЮФО демонстрирует ярко выраженную пространственную асимметрию между развитием туристской инфраструктуры и уровнем институциональной зрелости кластерной политики.

Как видно из таблицы 3, субъекты округа находятся на различных этапах формирования туристских кластеров – от зачаточного состояния (Калмыкия, Волгоградская область) до продвинутых форм с утвержденной федеральной поддержкой и включением в нацпроекты (Краснодарский край, Ростовская область, Республика Крым).

Обратим внимание, что Краснодарский край, Республика Крым и Ростовская область формируют ядро кластерной активности региона, обладая одновременно институциональной, ресурсной и инфраструктурной емкостью. Они выступают пространственными полюсами роста, усиливая центростремительные процессы в южной туристской системе. Это соответствует классическим представлениям Гранберга о региональных «центрах развития» [Гранберг, 2007].

В то же время субъекты со слабой институциональной архитектурой (Калмыкия, Волгоградская и Астраханская области) демонстрируют структурную инерцию, несмотря на наличие природного, этнокультурного и

событийного потенциала. Отсутствие синхронизации федеральных и региональных стратегий, недостаточное включение в механизмы поддержки Ростуризма, а также разрыв в подготовке кадров и инфраструктуре создают риски устойчивости кластеризации.

В качестве эмпирически верифицируемого проявления переориентации внутреннего спроса от массовых курортных практик к «низкоинтенсивным» формам рекреации в 2025 г. фиксируется рост так называемого «тихого» туризма – сегмента самостоятельных поездок, в которых доминирует уединение, «замедление» и восстановление, а выбор дестинаций смещается в пользу территорий с уникальной природой и малых исторических городов. При этом, согласно совместному исследованию Минэкономразвития РФ и Ассоциация туристических агрегаторов (далее – АТАГ), «тихий» туризм понимается как спокойный отдых в природной либо городской среде без высокой плотности туристов, шума и плотной застройки, ориентированный на психологическую разрядку и уход от ритма мегаполиса. В прикладном измерении данный сдвиг поддерживается инфраструктурными улучшениями (в том числе транспортной доступностью и расширением предложения размещения) и усилением территориального маркетинга, что в совокупности формирует предпосылки для кластеризации «тихих» дестинаций на периферии традиционных туристских центров. Показательно, что, по данным АТАГ, наиболее высокий относительный прирост бронирований в 2025 г. зафиксирован в Республике Калмыкия (+41 %) и на Камчатке (+35 %). Отмечается и расширение географии подобных поездок, что в интерпретации представителей агрегаторов и ведомства указывает на формирование устойчивого спроса на «тихие» направления и необходимость институциональной поддержки новых «точек притяжения» как инструмента межсезонного выравнивания и пространственной диверсификации турпотоков [Ассоциация туристических агрегаторов].

Этот факт принципиально важен для переосмысления кластерной политики в туризме, чтобы перейти от опоры исключительно на крупные центры к дестинациям нового типа, базирующимся на локальной идентичности, экологической емкости и культурном коде. Это означает, что

Калмыкия, Адыгея, Волгоградская и Астраханская области могут стать новыми ядрами «тихого» туризма, если получат институциональную и финансовую поддержку. Следовательно, включение этих субъектов в федеральные механизмы кластеризации и развитие региональных программ поддержки малого гостевого бизнеса, глэмпинга и этномаршрутов приобретает и экономическое, и социально-политическое значение.

Таким образом, на карте ЮФО формируется пространственно-функциональный разрыв между ядром туристского роста (Краснодарский край, Республика Крым, Ростовская область), концентрирующим инфраструктуру, инвестиции и институциональные механизмы поддержки, и периферийной группой субъектов (Республика Калмыкия, Астраханская и Волгоградская области, Республика Адыгея), обладающих значимым ресурсным потенциалом, но уступающих по качеству институтов, транспортной доступности и плотности сервисной инфраструктуры. Преодоление данного разрыва возможно через реализацию согласованной кластерной политики институционально-пространственного выравнивания, включающей межрегиональную координацию, стандарты поддержки проектов, синхронизацию стратегий и развитие сетевых маршрутов, что позволит избежать эффекта «туристской моноцентричности» и обеспечить более равномерное распределение туристических потоков и доходов.

Согласно логике Л.И. Абалкина, «если не происходит институционального уплотнения территорий, то пространственное развитие остается стихийным и неустойчивым» [Абалкин, 2002]. Соответственно, кластеризация туризма должна рассматриваться не только как инструмент маркетинга территории, но и как основополагающий механизм устойчивой пространственной трансформации региона.

Для преодоления институциональных и пространственных ограничений в развитии регионального туризма необходима новая методологическая рамка, способная объединить принципы кластерной политики, культурной идентичности и механизмов институционального мультипликатора. С учетом особенностей развития ЮФО, автором предложена концепция институционально-пространственного подхода, раскрывающая ключевые детерми-

нанты, механизмы и результаты устойчивого туристического развития. Данная концепция представлена на рисунке 1.

В центре концепции институционально-пространственного подхода к развитию туризма в регионах лежит представление о туризме как об институциональном механизме пространственного роста, обеспечивающем синергию кластерной и институциональной политики и формирующем новую идентичность территорий.

Концепция включает три основных структурных блока:

- детерминанты (институциональные, пространственные и культурные), отражающие предпосылки и уникальные условия формирования туристических моделей.

- механизмы (государственные программы, партнерства, брендинг), через которые осуществляется реализация институциональных инициатив;

- результаты, выражающиеся в диверсификации экономики, выравнивании пространственного развития и получении ESG-эффектов (экологические, социальные факторы, корпоративное управление).

На уровне механизмов воздействия используется категория туристического институционального мультипликатора, описывающая экономические и пространственные факторы, объясняющая каким образом туристская активность порождает вторичные эффекты, начиная с трансформации локальных практик и идентичности и заканчивая изменениями в структуре взаимодействия бизнеса, власти и сообществ, особенно в логике «тихого» туризма, актуального для ЮФО. Таким образом, концепция предлагает методологический подход для разработки управленческих решений в сфере устойчивого туризма с учетом институциональной среды и локальных идентичностей.

Представленная модель иллюстрирует динамику взаимодействия ключевых субъектов туристического кластера на мезоуровне. В отличие от традиционных вертикальных схем управления, сетевой формат обеспечивает распределенную ответственность, институциональную гибкость и синергию ресурсов. Именно такая архитектура взаимодействия позволяет регионам с ограниченными ресурсами (например, Калмыкия, Адыгея) выстра-

ивать конкурентоспособную и адаптивную экосистему туризма. Сетевая модель обеспечивает трансферт знаний, ускоряет инновации и способствует формированию устойчивых коалиций бизнеса, власти и сообщества.

Поскольку для ЮФО критическими ограничителями выступают кадровый дефицит и институциональная слабость локальных управленческих структур, а устойчивое развитие туризма требует нормативной базы, гарантий для инвесторов и соблюдения экологических ограничений, автором систематизированы ключевые условия формирования туристического кластера.

На рисунке 2 представлена каузальная (причинно-следственная) схема формирования и развития туристского кластера как многоуровневой системы, где результаты (конкурентные преимущества, синергия и социально-

экономический эффект) выводятся из взаимодействия внешней среды, институционального контура и цепочки создания туристской ценности.

На верхнем уровне зафиксирован блок экзогенных детерминант, задающих рамочные ограничения и стимулы для отрасли: природно-ландшафтные характеристики, историко-культурное наследие, геополитическая ситуация и государственное регулирование, а также изменения образа жизни и поведения в социальных сетях, цифровизация общества и Big Data, пандемийные и медико-социальные риски. Эти факторы трактуются не как «фон», а как структурообразующие параметры, которые формируют возможный набор туристских продуктов, сезонность, профиль спроса, инвестиционную привлекательность и допустимые модели организации рынка.

Рис. 1. Авторская концепция институционально-пространственного подхода к развитию туризма в регионах

Fig. 1. Author's conceptual framework of the institutional-spatial approach to tourism development in regions

Примечание. Составлено автором.

Центральный блок «туристическая отрасль» выступает как мезоуровневый механизм преобразования внешних условий в управляемые решения через узел «формирование и регулирование потребности». По сути, здесь показан переход от латентного спроса к институционально оформленному спросу, в котором потребность сегментируется, нормируется и превращается в экономически значимый поток заказов, а далее «собирается» в рамках маршрутно-территориальной организации.

Ниже раскрыта архитектура цепочки поставок и координации, так слева представлен контур предложения (индустрия гостеприимства, транспорт, ресторанный бизнес, экскур-

сионные бюро, IT-компании, страхование), в центре – посредническо-координационный слой (туроператоры, туристические агентства, digest-операторы и иные каналы), снизу – потребители туристских услуг. Правый блок с заключением договора фиксирует ключевой для кластерной модели ситуацию, в которой рынок переводится из разрозненных транзакций в контрактно-организованную систему взаимодействия, где качество, ответственность и стандарты оказания услуг закрепляются, и тем самым снижаются транзакционные издержки.

Нижняя часть схемы задает логику эмерджентности, конкурентные преимущества воз-

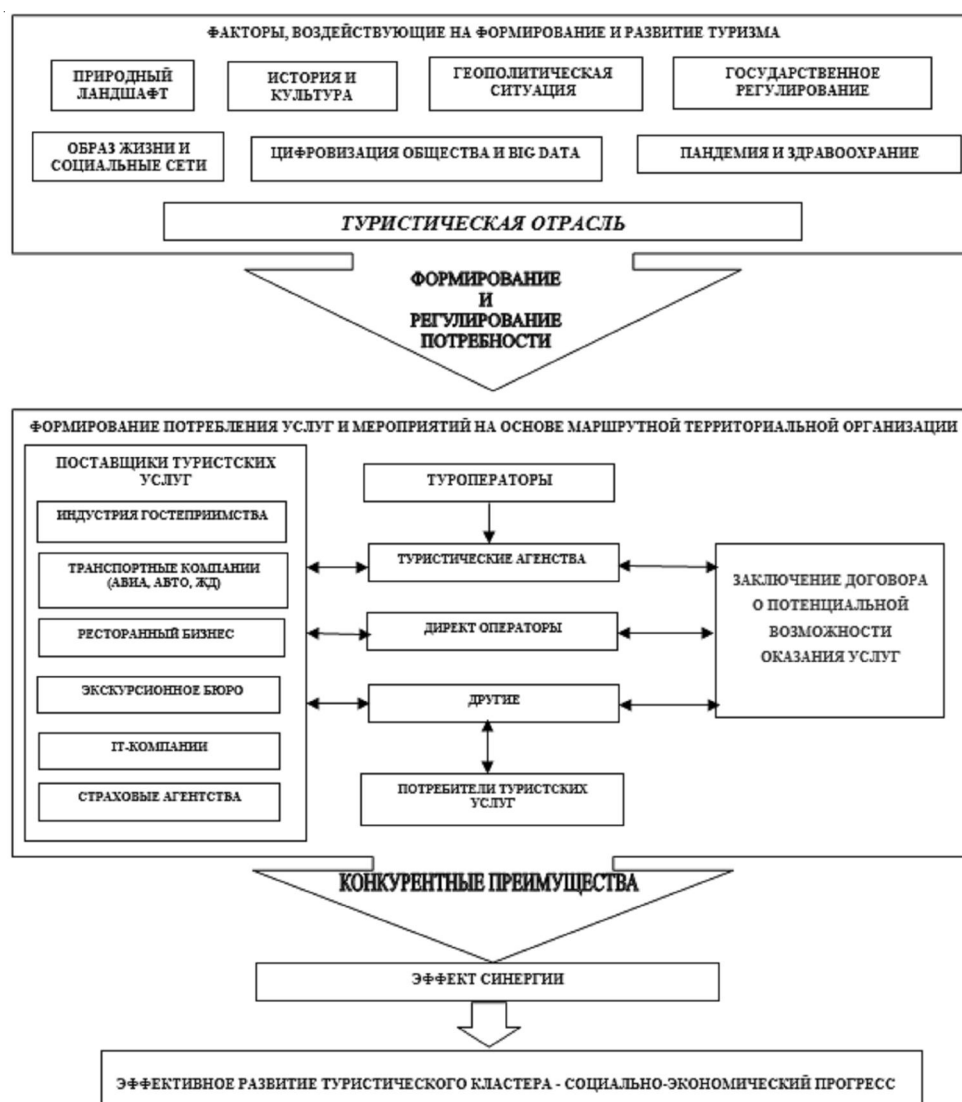

Рис. 2. Структурная схема формирования туристического кластера

Fig. 2. Structural scheme of tourism cluster formation

Примечание. Составлено автором.

никают не «сами по себе», а как результат согласованности маршрутов, сервисов, цифровых решений и институтов координации между участниками. Далее конкурентные преимущества агрегируются в эффект синергии – прирост эффективности, достижимый при автономном функционировании акторов (за счет совместного маркетинга, пакетирования услуг, интеграции данных, сквозного управления клиентским опытом и распределения рисков). Финальный блок формализует целевой результат, эффективное развитие туристического кластера интерпретируется как канал трансляции отраслевых изменений в социально-экономический прогресс территории (занятость и доходы, развитие малого бизнеса, улучшение инфраструктуры и качества среды). В целом представленная структурная схема демонстрирует, что кластеризация в туризме – это не просто концентрация объектов, а система, управляемая внешними шоками и трендами через институты, контрактные механизмы и сетевую координацию, что приводит к устойчивым преимуществам и измеримым общественным эффектам.

Главное отличие туристско-рекреационного кластера от прочих (производственных, сервисных) заключается в его маршрутной территориальной организации. Туристский маршрут и соответствующий ему туристский поток связывает объекты, превращая их из конкурирующих во взаимодействующие элементы системы и образуя эффект синергии следующим идентификациям туристско-рекреационного кластера: границы, географический каркас, функционально-планировочная структура, отличительные характеристики.

Согласно авторскому уточнению на основе кластерного подхода М. Портера [Портер, 2000], туристско-рекреационные кластеры, сформированные в регионах России, представляют собой «сконцентрированную на некоторой территории группу взаимосвязанных компаний: туроператоров, турагентов, КСР, транспортных компаний, инфраструктуры (ИТ-компании, гостиничный и ресторанный бизнес, страховые агентства) – взаимодополняющих друг друга и усиливающих конкурентные преимущества отдельных компаний и кластера в целом».

Увеличение эффективности функционирования туристско-рекреационного комплекса и

обеспечение его устойчивого развития для регионов Юга России является необходимо важным направлением в условиях, когда регионы занимают сильные позиции в части туристско-рекреационного потенциала. Несмотря на имеющиеся прежде всего природные, историко-культурные преимущества, сегодня заметен достаточно низкий вклад туристско-рекреационного комплекса в региональный валовой продукт в силу недостаточной проработки туристской кластерной политики и пока еще слабом внедрении цифровых, инновационных технологических решений в сферу туризма регионов ЮФО, направленных на повышение уровня социально-экономического, научно-технического развития территории. Как следствие, создается необходимость совершенствования организационной системы в части управления формированием туристско-рекреационного комплекса как механизма для создания туристской кластерной политики.

Туризм, в силу своей мультиотраслевой природы, требует особой кластерной конфигурации. В работах российских исследователей С. Гришина [2015], О. Евстропьевой и Л. Корытного [2015], В. Шарафутдинова [2011] туризм трактуется как интегративная система, основанная на взаимодействии сферы услуг, культурного наследия, транспорта и информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ).

В зарубежной научной литературе подход к кластерной политике в туризме оформлен в рамках концепции Smart Tourism Destinations (J. Tribe [2016], B. Gretzel [2015], P. Hall [2008]), предполагающей цифровизацию, устойчивость, вовлечение местных сообществ и высокий уровень кроссинституционального взаимодействия.

Smart-туризм представляет собой новую институциональную парадигму развития отрасли, выходящую за пределы цифровизации. его суть – в создании адаптивной среды на основе больших данных, автоматизации, локального участия и ESG-принципов. В регионах с культурной спецификой (например, буддийская Калмыкия) smart-туризм позволяет соединить цифровую инфраструктуру с этнокультурной идентичностью, создавая уникальные ценностные предложения на туристическом рынке. Так, некоторые авторы [Якименко и др., 2020] дают следующее определение: это «формирование

“умных” устойчивых туристско-рекреационных кластеров как неких стандартизированных платформ кооперации и синергии будущего, которые важны для поддержки интеграции информационно-коммуникационных технологий в туризм, для внедрения “зеленых” технологий, в которой используется гибкий механизм взаимодействия власти, бизнеса, общества и человека, на пути к его устойчивому развитию». Из этой трактовки следует, что императивами инновационного развития туристско-рекреационного кластера выступают такие индикаторы, между которыми установлена взаимосвязанная согласованность по функционально-значимым направлениям, и ошибка в них не приведет к желаемым, достижимым результатам.

Концепция «умного туризма», выработанная на основе концептуального понимания устойчивого развития как «умная планета» и «умный город», представляет собой цифровую модель интеграции туристического бизнеса, индустрии и инновационной технологии S&R,

что может стать одновременно перспективным трендом развития всей туристической отрасли и трансформационным источником к модернизации современной системы в сфере обслуживания. Технологическая революция, выступающая движущей силой экономического развития государства, кардинально меняет, упрощает человеческую жизнь, производство, инфраструктуру, приводящие к трансформациям мировой туриндустрии. Важным аспектом в развитии умного туризма является интеграция и внедрение ИКТ в физическую инфраструктуру в конкретные туристические дестинации.

Проведенное исследование позволило нам выделить уровни smart-туризма (рис. 3).

Первый уровень представлен инновационно-туристическим направлением, основанным на инфраструктуре «умного города» в части экологичности, комфорта проживания, современных систем управления. Второй уровень включает интеллектуальное направление,

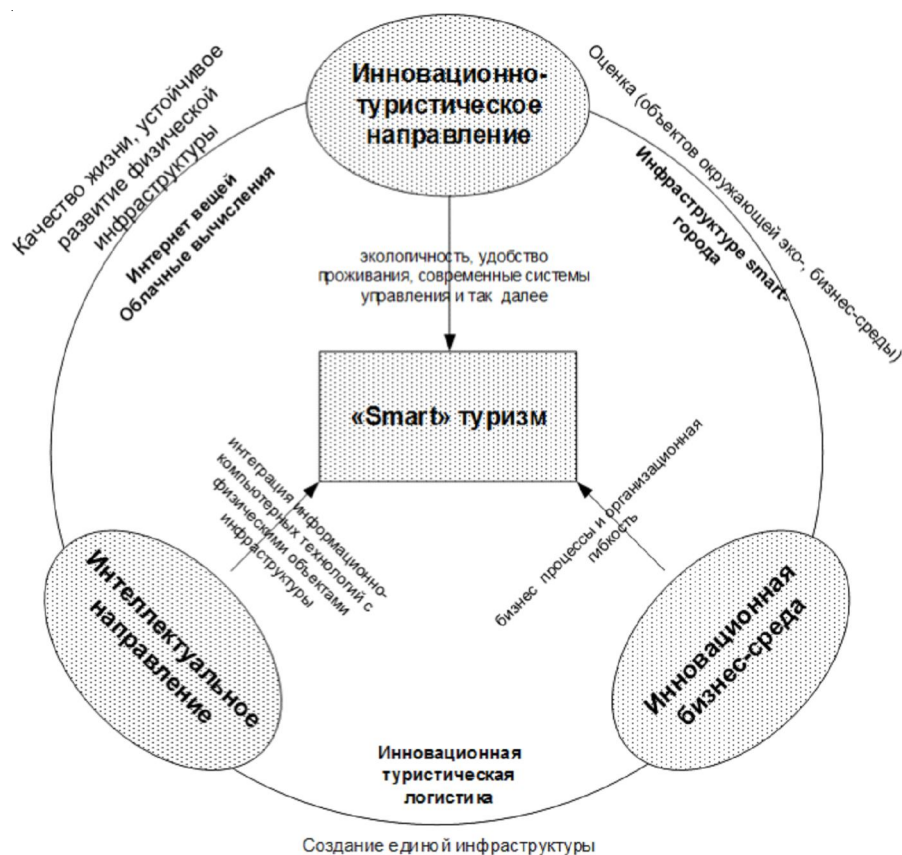

Рис. 3. Концепция smart-туризма

Fig. 3. The Smart Tourism concept

Примечание. Составлено автором.

интегрирующий ИКТ и физические объекты инфраструктуры (Интернет вещей, искусственный интеллект). Реализация «умного туризма» рассчитывает скоординированные действия и стратегические инвестиции в развитие инновационной деятельности в направлении качества жизни, устойчивого развития физической инфраструктуры и так далее, объединяет имеющийся туристический опыт с информационными технологиями, что позволяет проводить мониторинг качества и удовлетворенность услугами в реальном времени.

Инновационная бизнес-среда является третьим компонентом smart-туризма, направленная на поддержание необходимых бизнес-процессов, управленческой и организационной гибкости, связанной с оплатой, бронирование, сервисом, управлением. Важным условием реализации такого вида туризма является инновационная туристическая логистика, предполагающая внедрение новейших логистических разработок в создание единой инфраструктуры. Несмотря на то, что концепция «умного туризма» в связи с интернет-доступностью идет полным ходом, систематическая и широкомасштабная координация и обмен, а также использование Big Data в туризме все еще находятся в зачаточном состоянии. В этой связи для реализации интеллек-

туальных туристических направлений необходимы четыре фундаментальные концепции на основе передовой инфраструктуры ИКТ в части внедрения облачных вычислений и Интернета вещей: человеческий капитал, лидерство, социальный капитал и инновации. Интеллектуальные туристические инициативы по всему миру стремятся создать жизнеспособные инновационные туристические кластеры.

Используя определение «умного» развития туристско-рекреационного кластера в условиях мировой цифровой трансформации, следует перейти к разработке модели развития ТРК в императивах инновационного развития территории (рис. 4).

Данная модель демонстрирует, каким образом ТРК может функционировать в условиях нестабильности: кризисов, санкционного давления, цифрового разрыва. Важной особенностью является наличие буферных контуров адаптации и трансформации. Для периферийных территорий (Калмыкия, Забайкалье, Амурская область) подобная модель – единственный реалистичный путь интеграции в национальное туристское пространство. Инновационные механизмы (маркетплейсы, глэмпинг, цифровые маршруты) становятся не дополнением, а ядром кластерной стратегии.

Рис. 4. Модель инновационного развития туристско-рекреационного кластера (ТРК)

Fig. 4. Model of innovative development of a tourist and recreational cluster

Примечание. Составлено автором.

Для реализации модели инновационного развития туристско-рекреационного кластера необходимо обеспечить переход туристических дестинаций на новый технологический уровень. Такой переход предполагает повышение качества жизни населения за счет создания, внедрения и распространения инновационных товаров и услуг в сфере туризма в условиях цифровой трансформации экономики.

Важное значение приобретает соблюдение экологических требований посредством внедрения «зеленых» технологий, развития креативных индустрий и формирования кадрового потенциала туристической сферы. В условиях динамично изменяющейся внешней и внутренней среды требуется разработка системы индикаторов инновационного развития ТРК, стратегических императивов и механизма реализации модели на основе комплексной оценки туристического кластера. Структуризация факторов, формирующих туристско-рекреационный потенциал территориальных систем, процесс группировки показателей резистентного развития туристического кластера, позволяет выработать геном противодействующих факторов внешней среды инновационного развития туристско-рекреационного кластера территорий. Нами сформулирован комплексный подход к реализации модели инновационного развития российских туристских территорий в условиях цифровой трансформации, а также жестких политических и экономических санкций.

Для комплексной диагностики состояния и потенциала развития туристического кластера, учитывающей отраслевые, социально-экономические, цифровые и институционально-рисковые параметры, в работе предлагается система интегрированных показателей, представленная на рисунке 5. Авторская система индикаторов позволяет формализовать оценку жизнеспособности и устойчивости туристического кластера. В отличие от традиционных показателей (доход, поток, занятость), здесь интегрированы параметры цифровой зрелости, институциональной надежности, социальной вовлеченности и предпринимательской инициативы.

В целом система задает логику, согласно которой кластер оценивается не по одному показателю, а рассматривается как интегральная конфигурация отраслевого ядра, цифровой

зрелости, инновационности и устойчивости внешней среды, что позволяет переходить от описания к сравнимой диагностике и управленческим решениям (приоритизация мер поддержки, выбор «точек роста», мониторинг рисков).

Применение данной методики на уровне муниципалитетов ЮФО позволяет выявлять локальные точки роста и зоны риска. Это создает основу для управляемого роста туризма как драйвера социально-экономического выравнивания территорий.

Выводы

В условиях пространственной трансформации российской экономики особую значимость приобретает анализ факторов устойчивости регионального развития, включая специфические сектора, например, туризм. Пространственные диспропорции, структурные сдвиги и институциональные ограничения определяют неравномерность социально-экономического роста, что требует обновления теоретико-методологических подходов к исследованию устойчивости региональных систем. Наиболее чувствительными к внешним шокам и институциональным ограничениям выступают регионы с выраженной зависимостью от одного или нескольких секторов экономики, включая туристическую деятельность.

На основе проведенного теоретического анализа и эмпирического обоснования кластерной политики в сфере туризма можно сформулировать следующие ключевые выводы.

1. Туристские кластеры представляют собой институционально-пространственные формы организации экономической активности, в которых сочетаются синергетические связи между бизнесом, властью, наукой и сообществом. Устойчивость кластеров в туризме зависит не только от наличия рекреационного потенциала, но и от зрелости институциональной среды, цифровизации, доступности кадров и логистики.

2. В ЮФО на фоне его разнообразия природных и социокультурных ресурсов туризм рассматривается как драйвер развития. Однако его потенциал реализуется неравномерно, что обусловлено различиями в институциональной среде, уровне развития инфраструктуры и степени вовлеченности в региональные

стратегические приоритеты, что выявляет высокую поляризацию туристического развития: Краснодарский край, Республика Крым и Севастополь образуют ядро пространственного роста, в то время как Калмыкия, Астраханская и Волгоградская области нуждаются в поддержке кластерной трансформации. Тренд на «тихий» туризм усиливает значимость малых городов и культурно-экологических дестинаций, что позволяет рассматривать Калмыкию как перспективную территорию для формирования smart-кластера с буддийской, этнической и природной идентичностью.

Разработанная автором модель оценки эффективности туристического кластера на

основе пяти групп индикаторов (цифровая зрелость, экономическая устойчивость, институциональная надежность, социальная вовлеченность, предпринимательская активность) может быть использована как инструмент для принятия управленческих решений на региональном уровне.

Таким образом, кластерная политика в туризме должна выступать не как вспомогательная мера, а как системный механизм пространственной трансформации регионов России. Для ее реализации необходимы координация между уровнями власти, адаптация под местные особенности и стимулирование участия местного бизнеса и гражданского общества.

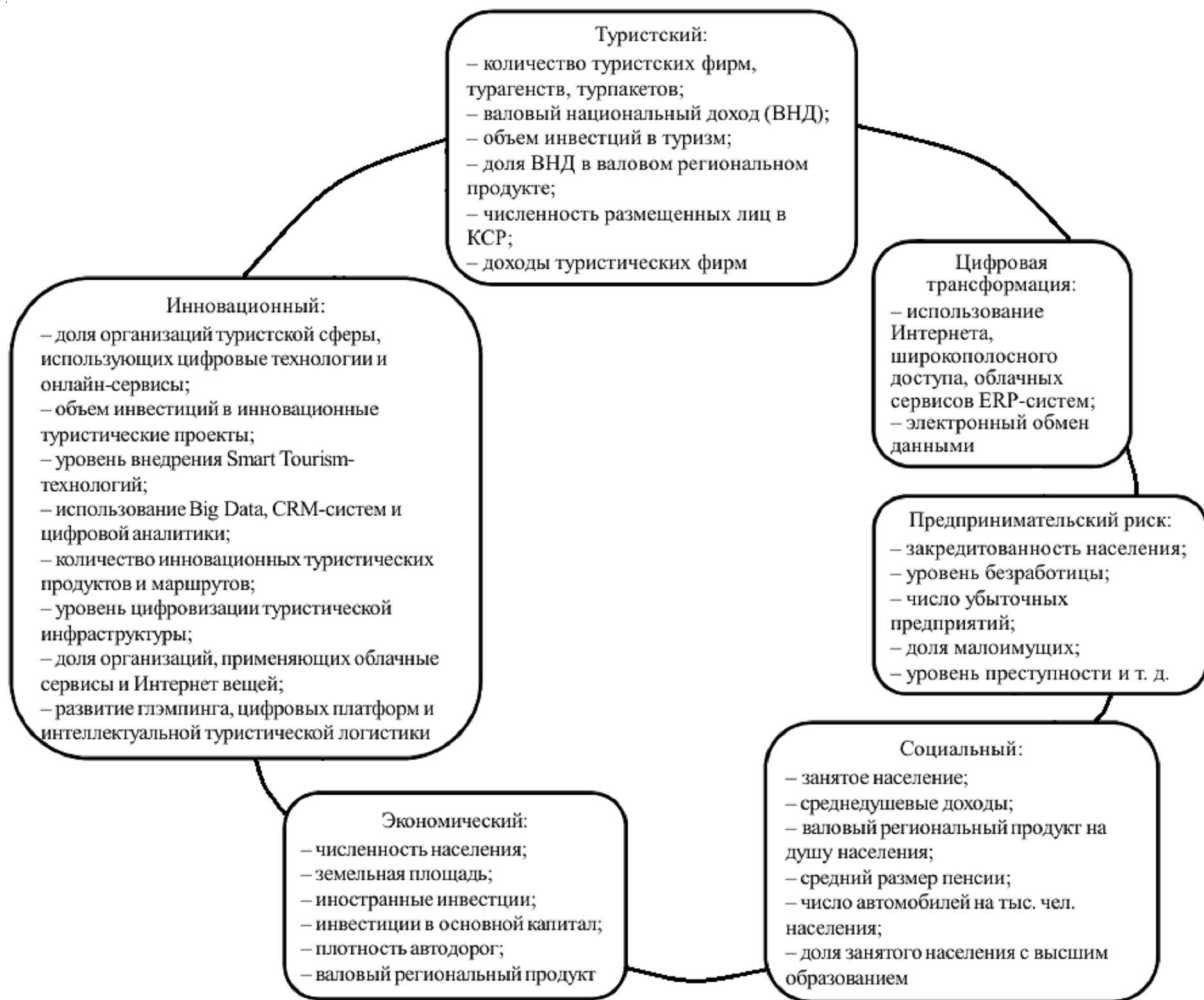

Рис. 5. Система интегрированных показателей комплексной диагностики состояния и потенциала развития туристического кластера

Fig. 5. Integrated system of indicators for comprehensive diagnosis of the state and development potential of a tourism cluster

Примечание. Составлено автором.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абалкин, Л. И. Стратегия экономического роста / Л. И. Абалкин. – М. : Экономика, 2002. – 432 с.
- Ассоциация туристических агрегаторов. – URL: <https://atagg.ru/>
- Гранберг, А. Г. Основы региональной экономики / А. Г. Гранберг. – М. : ГУ ВШЭ, 2007. – 495 с.
- Гришин, С. Ю. Методологические подходы к классификации туристских кластеров / С. Ю. Гришин // Вестник Национальной академии туризма. – 2015. – № 2. – С. 7–9.
- Евстропьева, О. В. Рекреационная география и инновации в туризме / О. В. Евстропьева, Л. М. Корытный // География и природные ресурсы. – 2015. – № 1. – С. 198–199.
- Катуков, Д. Д. Институциональная среда глобализированной экономики: развитие сетевых взаимодействий / Д. Д. Катуков, В. Е. Малыгин, Н. В. Смородинская. – М. : Ин-т экономики РАН, 2012. – 45 с. – DOI: 10.13140/RG.2.1.4019.8168
- Некрасов, Н. Н. Пространственная экономика / Н. Н. Некрасов. – СПб. : Питер, 2010. – 352 с.
- Портер, М. Конкуренция / М. Портер. – М. : Вильямс, 2000. – 495 с.
- Росстат. – URL: <https://rosstat.gov.ru>
- Шарафутдинов, В. Н. О проблемах объекта теории туризма / В. Н. Шарафутдинов // Вестник СГУТиКД. – 2011. – № 3. – С. 17.
- Якименко, М. В. Когнитивное моделирование инновационного развития туристско-рекреационных кластеров в условиях глобальной цифровой трансформации в контексте устойчивого развития / М. В. Якименко, Е. В. Жертовская // Современные проблемы сервиса и туризма. – 2020. – Т. 14, № 4. – URL: <https://journals.rudn.ru/services-and-tourism/article/view/24717>
- Friedmann, J. A General Theory of Polarized Development / J. Friedmann // Growth Centers in Regional Economic Development. – N. Y. : The Free Press, 1972. – P. 82–107.
- Malmberg, A. Towards an Explanation of Regional Specialization and Industry Agglomeration / A. Malmberg, P. Maskell // European Planning Studies. – 1997. – Vol. 5 (1). – P. 25–41.
- Hall, C. M. Tourism Planning: Policies, Processes and Relationships / C. M. Hall. – L. : Pearson Education, 2008. – 302 p.
- Hall, P. Cities in Civilization / P. Hall. – L. : Phoenix, 1998. – 1169 p.
- Harvey, D. Spaces of Global Capitalism / D. Harvey. – L. : Verso, 2006. – 154 p.
- Malmberg, A. Towards an Explanation of Regional Specialization and Industry Agglomeration / A. Malmberg, P. Maskell // European Planning Studies. – 1997. – Vol. 5 (1). – P. 25–41.
- North, D. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. – Cambridge : Cambridge University Press, 1990. – 164 p.
- Olson, M. The Logic of Collective Action / M. Olson. – Cambridge ; Massachusetts : Harvard University Press, 1971. – 200 p.
- Rosenfeld, S. Bringing Business Clusters into the Mainstream of Economic Development // European Planning Studies. – 1997. – Vol. 5 (1). – P. 3–23.
- Smart Tourism: Foundations and Developments / U. Gretzel [et al.] // Electronic Markets. – 2015. – Vol. 25 (3). – P. 179–188.
- The Rise of the Rustbelt / ed. P. Cooke. – L. : University College London Press, 1995. – 272 p.
- Tourism and the Creative Economy // OECD. – URL: https://www.oecd.org/en/publications/tourism-and-the-creative-economy_9789264207875-en.html
- Tribe, J. The Economics of Recreation, Leisure and Tourism / J. Tribe. – [S. l.] : Routledge, 2016. – 508 p.

REFERENCES

- Abalkin L.I. *Strategiya ekonomicheskogo rosta* [Strategy of Economic Growth]. Moscow, Ekonomika Publ., 2002. 432 p.
- Assotsiatsiya turisticheskikh agregatorov [Association of Travel Aggregators]. URL: <https://atagg.ru/>
- Granberg A.G. *Osnovy regionalnoy ekonomiki* [Foundations of Regional Economics]. Moscow, GU VShE, 2007. 495 p.

- Grishin S.Yu. Metodologicheskie podhody k klassifikatsii turistskih klasterov [Methodological Approaches to the Classification of Tourism Clusters]. *Vestnik Natsionalnoj akademii turizma* [Bulletin of the National Academy of Tourism], 2015, no. 2, pp. 7-9.
- Evstropieva O.V., Korytnyy L.M. Rekreatsionnaya geografiya i innovatsii v turizme [Recreational Geography and Innovations in Tourism]. *Geografiya i prirodnye resursy* [Geography and Natural Resources], 2015, no. 1, pp. 198-199.
- Katukov D.D., Malygin V.E., Smorodinskaya N.V. *Institutsionalnaya sreda globalizirovannoy ekonomiki: razvitie setevykh vzaimodeystviy* [Institutional Environment of the Globalized Economy: Development of Network Interactions]. Moscow, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 2012. 45 p. DOI: 10.13140/RG.2.1.4019.8168
- Nekrasov N.N. *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics]. Saint Petersburg, Piter Publ., 2010. 352 p.
- Porter M. *Konkurentsija* [Competition]. Moscow, Williams Publ., 2000. 495 p.
- Rosstat [Federal State Statistics Service]. URL: <https://rosstat.gov.ru>
- Sharafutdinov V.N. O problemakh objekta teorii turizma [On the Problems of the Object of Tourism Theory]. *Vestnik SGUTiKD* [Bulletin of Sochi State University of Tourism and Resort Business], 2011, no. 3, p. 17.
- Jakimenko M.V., Zhertovskaja Je. V. Kognitivnoje modelirovanije innovatsionnogo razvitiya turistsko-rekreatsionnykh klasterov v usloviyakh globalnoj tsifrovoy transformatsii v kontekste ustojchivogo razvitiya [Cognitive Modeling of Innovative Development of Tourist and Recreational Clusters under Global Digital Transformation in the Context of Sustainable Development]. *Sovremennyye problemy servisa i turizma* [Modern Problems of Service and Tourism], 2020, vol. 14, no. 4. URL: <https://journals.rudn.ru/services-and-tourism/article/view/24717>
- Friedmann J. A General Theory of Polarized Development. *Growth Centers in Regional Economic Development*. New York, The Free Press, 1972, pp. 82-107.
- Hall C.M. *Tourism Planning: Policies, Processes and Relationships*. London, Pearson Education, 2008. 302 p.
- Hall P. *Cities in Civilization*. London, Phoenix, 1998. 1169 p.
- Harvey D. *Spaces of Global Capitalism*. London, Verso, 2006. 154 p.
- Malmberg A., Maskell P. Towards an Explanation of Regional Specialization and Industry Agglomeration. *European Planning Studies*, 1997, vol. 5 (1), pp. 25-41.
- North D. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge, Cambridge University Press, 1990. 164 p.
- Olson M. *The Logic of Collective Action*. Cambridge; Massachusetts, Harvard University Press, 1971. 200 p.
- Rosenfeld S. Bringing Business Clusters into the Mainstream of Economic Development. *European Planning Studies*, 1997, vol. 5 (1), pp. 3-23.
- Gretzel U., Sigala M., Xiang Z., Koo C. Smart Tourism: Foundations and Developments. *Electronic Markets*, 2015, vol. 25 (3), pp. 179-188.
- Cooke P., ed. *The Rise of the Rustbelt*. London, University College London Press, 1995. 272 p.
- Tourism and the Creative Economy. *OECD*. URL: https://www.oecd.org/en/publications/tourism-and-the-creative-economy_9789264207875-en.html
- Tribe J. *The Economics of Recreation, Leisure and Tourism*. S.l., Routledge, 2016. 508 p.

Information About the Author

Saglar B. Boldyreva, Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Head of the Department of Management, Kalmyk State University named by B.B. Gorodovikov, Pushkina St, 11, 358011 Elista, Russian Federation, boldyreva_sb@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7416-4839>

Информация об авторе

Саглар Борисовна Болдырева, кандидат экономических наук, доцент, заведующая кафедрой менеджмента, Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова, ул. Пушкина, 11, 358000 г. Элиста, Российская Федерация, boldyreva_sb@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7416-4839>